

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ

ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

18+

Олег Витальевич Будницкий

Люди на войне

Серия «Что такое Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65539642

Люди на войне: Новое литературное обозрение; Москва; 2021

ISBN 9785444814925

Аннотация

Очень часто в книгах о войне люди кажутся безликими статистами в битве держав и вождей. На самом деле за каждым большим событием стоят решения и действия конкретных личностей, их чувства и убеждения. В книге известного специалиста по истории Второй мировой войны Олега Будницкого крупным планом показаны люди, совокупность усилий которых привела к победе над нацизмом. Автор с одинаковым интересом относится как к знаменитым историческим фигурам (Уинстону Черчиллю, «блокадной мадонне» Ольге Берггольц), так и к менее известным, но не менее героическим персонажам военной эпохи. Среди них – подполковник Леонид Винокур, ворвавшийся в штаб генерал-фельдмаршала Паулюса, чтобы потребовать его сдачи в плен; юный минометчик Владимир Гельфанд, единственным приятелем которого на войне стал дневник; выпускник пединститута Георгий Славгородский, мечтавший о писательском

поприще, но ставший военным, и многие другие. Олег Будницкий – доктор исторических наук, профессор, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, автор многочисленных исследований по истории XX века.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
КАК ПОБЕДИТЕЛИ ПРОИГРАЛИ В МЮНХЕНЕ	13
КОМУ ПОМОГ ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА	28
ВОЙНА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Будницкий

Люди на войне

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать второе июня 1949 года Ольга Берггольц провела в селе Старое Рахино на Новгородчине, в котором из 450 мужчин домой вернулись только 50. В этот день она записала: «Читают больше о войне, хотя сами ее только что пережили. Но все кажется, что это – не она, а была какая-то другая, красивая и героическая».

Тексты, вошедшие в эту книгу, – о той войне, что была на самом деле, а не в романах, кино или на экране телевизора. Автор этих строк, будучи профессиональным историком, понимает недостижимость идеала, сформулированного Леопольдом фон Ранке почти 200 лет назад: «Показать, как действительно происходили события, не делаясь судьей прошлого и не поучая современников», однако полагает, что к этому следует стремиться.

Вряд ли кто-нибудь оспорит тот факт, что история войны (а когда речь идет просто о войне, в нашей стране все понимают, какая именно война имеется в виду) вызывает в обществе наибольший интерес – по сравнению с любым другим событием мировой истории. Согласно данным социологов,

в начале XXI века 78% опрошенных россиян назвали победу в Великой Отечественной войне важнейшим событием, которое определило судьбу страны в XX веке; 87% заявили, что гордятся победой (почти по Льву Лосеву: «Хорошего – только война»). При этом 68% опрошенных полагали, что о Великой Отечественной войне «всей правды» мы не знаем.

С последним утверждением трудно спорить. «Правда» о войне имела свойство столько раз меняться в зависимости от политической конъюнктуры или ведомственных интересов, что буквально голова могла пойти кругом. К примеру, в марте 1946 года Иосиф Сталин в интервью газете «Правда» заявил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также вследствие немецкой оккупации и угона советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек». Пятнадцать лет спустя, в ноябре 1961 года, Никита Хрущёв в письме премьер-министру Швеции назвал почти втрое большую цифру: «Разве мы можем сидеть сложа руки и ждать повторения 1941 года, когда германские милитаристы развязали войну против Советского Союза, которая унесла два десятка миллионов жизней советских людей?» Наконец, 9 мая 1990 года Михаил Горбачев сообщил, что война «унесла почти 27 миллионов жизней советских людей». Что же касается статистики потерь советских Вооруженных сил, включая крупнейшие сражения Великой Отечественной, то они были обнаро-

дованы в книге военных историков «Гриф секретности снят» лишь в 1993 году, без малого через 50 лет после окончания войны.

Или совсем свежий образец радикального изменения отношения еще к одному историческому событию. На протяжении более чем 40 лет в СССР отрицалось само существование секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа. Публикация в 1948 году Госдепартаментом США текста секретных протоколов по трофейной немецкой фотокопии и других документов о советско-германских отношениях накануне войны вызвала оперативный ответ советского Министерства иностранных дел под названием «Фальсификаторы истории», с подзаголовком «историческая справка». Назвав публикаторов документов «фальсификаторами и клеветниками», анонимные авторы «исторической справки» при этом ни словом не упомянули секретные протоколы. В вышедшей 500-тысячным тиражом брошюре не должно было содержаться даже намек на опасный документ. В 1989 году II съезд народных депутатов СССР денонсировал пакт Молотова – Риббентропа, признав секретные протоколы «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Денонсировали на основе копий, хотя подлинник хранился в «закрытом пакете» генерального секретаря ЦК КПСС. Однако у Горбачева «рука не поднялась» его обнародовать. Предъявили подлинники «городу и миру» после краха коммунистического режима, на пресс-конферен-

ции 27 октября 1992 года.

Тем не менее еще в начале нынешнего века четверть опрошенных социологами граждан РФ отказывалась верить в подлинность протоколов. Но в наши дни – на флоте есть такая команда, «поворот все вдруг» – некоторые российские политические деятели объявили пакт Молотова – Риббентропа величайшим достижением советской дипломатии. Более того, в Государственную думу Российской Федерации внесен законопроект, который признает не действующим на территории России постановление Съезда народных депутатов СССР от 1989 года об осуждении пакта Молотова – Риббентропа. Любопытно, как будет обстоять дело, когда в руках читателя окажется эта книга.

Один из спорных вопросов, который рассматривается в этой книге: кто на самом деле выиграл от пакта Молотова – Риббентропа? В книге, собственно, несколько пересекающихся линий, в том числе международные аспекты истории войны (Мюнхенское соглашение, ленд-лиз), которые в конечном счете повлияли на судьбы героев этой книги. При этом идет ли речь о предвоенной дипломатии или о других сюжетах, я стараюсь показать события через восприятие современников, как главных действующих лиц, так и «сторонних» наблюдателей, иногда удивительно точно их оценивающих. Гораздо точнее, чем тогдашние политики.

Главные герои этой книги – те люди, чьи совокупные усилия в конечном счете привели к победе над нацизмом. Ко-

нечно, наряду с усилиями миллионов других людей. Среди них и исторические фигуры (Уинстон Черчилль), и военные, сыгравшие заметную роль, вроде подполковника Леонида Винокура, «с большевистской бесцеремонностью» ворвавшегося в штаб свежее испеченного генерал-фельдмаршала Паулюса, чтобы потребовать его сдачи в плен, и «голос блокадного Ленинграда» Ольга Берггольц, и вчерашний школьник, минометчик лейтенант Владимир Гельфанд, единственным «приятелем» которого на войне стал дневник, и выпускник пединститута Георгий Славгородский, мечтавший стать настоящим интеллигентом и писателем, но преуспевший совсем на другом поприще – военном.

Очень часто в книгах о войне люди рассматриваются как функция. Я старался показать, какими они были, чем жили. А жили они, как и положено людям, не только войной. Ведь на войне не только воюют. На войне любят, выпивают, играют в карты, воруют, мечтают. Почти во всех случаях я опирался на эго-документы: преимущественно дневники, а также рассказы, записанные по горячим следам событий, на письма военного времени, редко – на воспоминания, написанные «в стол», не для печати. Это, в особенности дневники, наиболее аутентичные свидетельства о Второй мировой / Великой Отечественной войне. Что важно: авторы дневников не знают, как «положено» писать о войне, иногда они не знают, доживут ли до следующего дня, а то и часа.

Еще одна сквозная тема книги – сталинизм и война. Во-

енные историки и историки сталинизма принадлежат как будто к разным «кастам». Существует огромная литература, посвященная 1930-м годам, существенно меньше, но тоже немало написано о периоде позднего сталинизма, но в период войны сталинизм в литературе если не исчезает, то очень сильно трансформируется. На самом деле «исчезают» скорее историки сталинизма, которые, по словам британского историка Стивена Ловелла, «не знают толком, что делать с периодом войны». Сталинский режим во время войны действительно, с одной стороны, показал свою способность применяться к обстоятельствам, с другой – его сущность принципиально не изменилась. Социум по-прежнему управлялся в значительной степени путем применения насилия: в 1941–1945 годах было осуждено свыше 16 миллионов человек. Это превосходит любой сопоставимый по времени период в советской истории. Особенно наглядно двойственность сталинской политики военного времени демонстрирует история «взаимоотношений» с Церковью: беру слово «взаимоотношения» в кавычки, ибо о «диалоге» говорить не приходится. На самом деле государство использовало Церковь в своих политических, преимущественно внешнеполитических, интересах и одновременно осуществляло репрессии против священнослужителей и обычных верующих, в особенности против тех, кто не желал иметь дела с сергианской церковью. Это была улица с односторонним движением, причем для многих она вела в лагеря.

Однако история сталинизма военного времени – это не только история режима. Это история людей, восприятия ими действительности, отношения к режиму и вождю. Георгий Славгородский, один из тех, кто считал себя бенефициаром (не употребляя, конечно, этого слова) режима, хотел передать свои впечатления о сталинской эпохе будущим поколениям. Владимир Гельфанд поверял свои сокровенные чувства дневнику: «Мой Сталин, бессмертный и простой, скромный и великий, мой вождь, мой учитель, моя слава, гений, солнце мое большое». Другие вовсе не упоминают ни Сталина, ни родину, ни партию. Ольга Берггольц вполне осознавала двойственность собственного существования и поведения; уже в апреле 1942 года она понимала, «какая ложь и кошмар все, что происходит», и предвидела, что «после войны ничего не изменится». Предвидение сбылось. Вынужденная, как и другие писатели, выступать агитатором во время выборов, она констатирует: «Выборы вообще – циничный и постыдный балаган, „демократическая вершина“ которого – неприличная осанна папаше?.. И я, отчетливо сознавая это, буду что-то лопотать на агитпункте перед собранными сюда старухами и бабами – о демократии, о кандидатах и т. д.! Я делаю это по самой простой причине: из страха, из страха тюрьмы. Вот и вся сущность нашей демократии на сегодняшний день». Впрочем, не буду пересказывать книгу.

Наконец, еще одна тема книги – женщины на войне. О женщинах в Красной армии существует обширная лите-

ратура. Посвящена она преимущественно воинским подвигам представительниц прекрасного пола. О женщинах-снайперах и летчицах написано больше, чем обо всех других женщинах-военнослужащих. Между тем в армии служили почти полмиллиона женщин. И одной из главных проблем, с которыми они сталкивались, как, впрочем, и женщины-снайперы и авиаторы, были взаимоотношения с мужчинами. Очевидно, что отношения мужчин и женщин во время войны коренным образом изменились. И не могли не измениться в условиях, когда около 34 миллионов мужчин были призваны в армию накануне и во время войны, и сложилась ситуация, когда женщины остались без мужчин, а мужчины – без женщин. Причем соотношение женщин и мужчин на фронте и в тылу было прямо противоположным: в тылу был дефицит мужчин, на фронте – женщин. Как и во всех других случаях, гендерные отношения в Красной армии рассматриваются прежде всего на основе эго-документов военного времени.

Перечисленные темы не исчерпывают сюжетов, которые затрагиваются в книге. Остается ее прочесть.

КАК ПОБЕДИТЕЛИ ПРОИГРАЛИ В МЮНХЕНЕ

Жоржу Клемансо принадлежит высказывание: «Победители всегда свою победу проигрывают». Победители Первой мировой войны проиграли свою победу 30 сентября 1938 года. Проиграли без единого выстрела. Мы знаем как будто все о причинах, обстоятельствах и последствиях подписания Мюнхенского соглашения, с полным основанием именуемого сговором. И все же вновь и вновь возвращаемся к этому событию, по сути, открывшему дорогу к мировой войне. Хотя главное, чего хотели по крайней мере двое из трех представителей держав-победительниц, подписавших договор, — войны избежать.

Колоссальные потери, которые понесли Великобритания и Франция в годы Первой мировой войны, ни в коей мере не могли быть оправданы полученными результатами, а условия Версальского мира скорее провоцировали новые конфликты, нежели их предотвращали. Приходу Адольфа Гитлера к власти в значительной степени способствовало его обещание ликвидировать последствия для Германии Версальского договора, а основная масса немцев поддержала его из-за обещания сделать это мирным путем. В одной из своих первых речей в должности канцлера он говорил о том,

что новая война стала бы «бесконечным сумасшествием» и что новое правительство будет стоять на страже мира. Восстановление германского военного потенциала интерпретировалось как средство поддержания мира, а вермахт именовался «германскими силами мира». Гитлеру без единого выстрела удалось ликвидировать практически все ограничения, наложенные на Германию Версальским договором.

В самом деле, ограничения, наложенные на ведущую европейскую державу, не могли быть вечными, последствия войны рано или поздно подлежали урегулированию, а отношения между бывшими противниками – нормализации. Все это было бы справедливо при одном условии: если бы к власти в Германии пришел не Гитлер. Что собой представляют нацистский режим и сам фюрер, нетрудно было понять опытным политикам. И все же страх войны перевешивал: в памяти чересчур свежа была бойня, начавшаяся с трагического, но вроде бы локального эпизода на Балканах.

После захвата Австрии в марте 1938 года упоенный успехом Гитлер впервые был готов устроить войну. Его целью были завершение «собираения» немцев в Третьем рейхе, а заодно и ликвидация чехословацкого государства. Чехословакия, образовавшаяся в результате распада Австро-Венгерской империи, была самым демократическим и процветающим государством Центральной Европы. Однако национальный состав населения, в котором чехов насчитывалось менее половины (46%), затем шли немцы (28%), словаки

(13%) и венгры (8%), представлял потенциальную опасность для целостности страны в эпоху, когда демон национализма бродил по Европе. Большинство немцев компактно проживало в Судетской области. Немецкое меньшинство, совсем недавно принадлежавшее к главной имперской нации в Австро-Венгрии, испытывало некоторые проблемы. Правда, судетские немцы были представлены в чехословацком парламенте (в 1935 году Судетская немецкая партия набрала наибольшее число голосов на выборах в парламент, опередив «чехословацкие» партии), и их положение не имело ничего общего с теми ужасами, которые расписывала нацистская пропаганда. Их проблемы вполне могли быть урегулированы в рамках демократических процедур. Однако не этого хотели судето-немецкие нацисты, возглавляемые учителем физкультуры Конрадом Генлейном и получавшие прямые указания из Берлина. В 1938 году они шли на обострение вплоть до вооруженного мятежа, сигналом к которому послужила речь Гитлера на партийном съезде в Нюрнберге 12 сентября 1938 года. Мятеж был подавлен войсками с многочисленными жертвами, и положение обострилось до предела. При этом намерение Гитлера покончить с Чехословакией военным путем было абсолютной авантюрой: военные силы рейха были ничтожны по сравнению, например, с армией Франции, имевшей с Чехословакией договор о взаимопомощи. В случае войны вермахт был обречен на скорый разгром, в чем не сомневались сами немецкие генералы. Как

теперь известно, некоторые немецкие военачальники и политики даже готовили заговор с целью свержения фюрера и предотвращения военной катастрофы.

В этой обстановке решающую роль сыграл главный архитектор политики «умиротворения» британский премьер Невилл Чемберлен, для которого «сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно», представлялась «ужасной, фантастичной и неправдоподобной». Как вскоре выяснилось, события в «далекой стране» имели самое непосредственное отношение к британцам и не только к ним. 15 сентября почти 70-летний Чемберлен впервые в жизни сел в самолет, чтобы после почти семичасового путешествия встретиться в Берхтесгадене с Гитлером. У него была одна задача – не допустить войны. Гитлер блефовал, заявляя, что ему все равно – будет мировая война или нет. И при этом напоминал, что право народов на самоопределение придумано не им, а еще в 1918 году «для создания моральной основы изменений по Версальскому договору». Он потребовал передачи Германии Судетской области, заверив, что это его «последнее территориальное притязание в Европе».

«Челночную дипломатию» Чемберлена образно и точно охарактеризовал знаменитый русский адвокат Оскар Грузенберг, который жил в эмиграции в Ницце: «Когда „дядька Са-

вельич“ убеждает Гринёва поцеловать ручку у „злодея“ (Пугачёва), он всегда добавляет: „поцелуй и плюнь!“ А тут все целуют взапуски, и никто не сплевывает... Гордый лорд едет в стан разбойников молить о мире всего мира». Чемберлен, впрочем, не заблуждался относительно того, с кем имел дело. Отчитываясь перед кабинетом министров о состоявшейся встрече, он назвал фюрера «ординарнейшей шавкой». Однако, вместо того чтобы дать шавке пинка, он продолжил ее «умиротворять».

А что же Франция? Ведь она более других была заинтересована в сохранении Чехословакии как ее главного союзника в Центральной Европе. Между Францией и Чехословакией был заключен договор о взаимопомощи, и это как раз тот самый случай, когда она обязана была помощь оказать. Однако французы войны не хотели, к тому же они не были готовы действовать в одиночку и ориентировались на позицию Великобритании. При этом Советский Союз, подписавший перекрестное соглашение о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, никем в расчет не принимался. Двадцать первого сентября советский нарком иностранных дел Максим Литвинов сделал в Лиге Наций заявление о том, что Советский Союз готов выполнить свои обязательства по франко-советско-чехословацкому пакту, однако его заявление было проигнорировано. В каком-то смысле оно как будто не имело практического значения, поскольку у СССР не было общей границы ни с Чехословакией, ни с Германией, а Румыния

и Польша не соглашались пропустить советские войска через свою территорию. Правда, по мнению Уинстона Черчилля, великие державы и Лига Наций могли добиться такого разрешения от Румынии. Тем не менее, как сам он признавал уже в период холодной войны, «вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство». К советским предложениям «отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатились за это».

Во второй половине сентября начались интенсивные переговоры, имевшие целью добиться согласия чехов на передачу Германии Судетской области, а также умиротворить Гитлера, который постоянно менял свои требования. В это самое время Гитлер предлагал Польше и Венгрии участвовать в «чешском празднике». Польша в уговорах не нуждалась, она давно претендовала на Тешинскую область, а регенту Венгрии адмиралу Миклошу Хорти Гитлер еще в августе объяснил: «Тот, кто хочет сидеть за столом, должен помогать и на кухне». Двадцать шестого сентября, выступая в берлинском Дворце спорта, Гитлер назвал точную дату передачи Судетской области – 1 октября, одновременно заявив, что не заинтересован в аннексии всей Чехословакии: «Это последнее территориальное требование, которое я должен предъявить Европе... не хотим мы никаких чехов!»

Живший в Париже русский эмигрант Борис Гершун, умный и тонкий наблюдатель, писал об этих днях: «На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: всё бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны». Французы, потерявшие в годы мировой войны (никто еще не знал, что она – первая) свыше миллиона трехсот тысяч человек, очень не хотели повторения чего-либо подобного. Не хотели воевать и «простые» немцы. Гитлер приказал 2-й моторизованной дивизии на пути из Штеттина к чехословацкой границе пройти 27 сентября через столицу рейха, рассчитывая на бурную поддержку населения. Войска должны были пройти через центр города, в том числе перед рейхсканцелярией. Американский корреспондент Уильям Ширер записал в дневнике:

Я вышел на угол Вильгельмштрассе – Унтер ден Линден, ожидая, что увижу там огромные толпы народа и сцены вроде тех, которые описывали в момент начала войны в 1914 году – с криками восторга, цветами и целующими солдат девушками... Но сегодня люди быстро исчезали в метро, а те немногие, кто остался стоять, хранили полное молчание... Это была самая впечатляющая демонстрация против войны, которую я когда-либо видел.

Гитлер приветствовал войска с балкона рейхсканцелярии. Послушать фюрера собралось самое большее две сотни че-

ловек, и вскоре он в ярости ушел. В тот же вечер он написал «примирительное» письмо Чемберлену. А затем случилось «чудо»: Гитлер согласился на посредничество Бенито Муссолини и проведение 29 сентября конференции в Мюнхене. Между двумя и тремя часами ночи 30 сентября соглашение, предусматривавшее передачу Судетской области Германии, было подписано. Проект соглашения представил Муссолини, хотя на самом деле его составили Геринг, Нойрат и Вайцзеккер. Подписали документ Чемберлен, Гитлер, Муссолини и французский премьер Эдуар Даладьё, которому было явно не по себе. Сопровождавший премьера посол в Берлине Андре Франсуа-Понсе заметил: «Вот так Франция обращается с единственными союзниками, которые остались ей верны». Чехов на конференцию вообще не допустили, и они были вынуждены согласиться с навязанным им решением.

Первого октября 1938 года вермахт оккупировал Судеты. Чехословакия потеряла около пятой части своей территории, около 5 млн населения (из них 1,25 млн чехов и словаков), а также треть промышленных предприятий. Как писал Черчилль, «немцы были не единственными хищниками, терзавшими труп Чехословакии»: 1 октября польские войска заняли Тешинскую область, а Венгрия «получила кусок мяса за счет Словакии». В начале ноября Венгрия, по решению Германии и Италии, получила также южные районы Словакии и Подкарпатской Руси (современную Закарпатскую область Украины), в которых большинство населения состав-

ляли венгры.

А что же остальной мир? Он ликовал! Немцы овациями приветствовали британского премьер-министра, когда он проезжал по Мюнхену. Не потому, что он подарил им Судетскую область: главным подарком был мир. Чемберлен представлялся героем дня. К тому же 30 сентября он провел с Гитлером двустороннюю встречу, и по ее итогам они подписали англо-германскую декларацию, в которой заявили о намерении «содействовать обеспечению мира в Европе».

Когда Чемберлен и Даладье вернулись в свои столицы, вместо гневных демонстраций, которых они опасались, обоих сопровождали бурные проявления восторга, словно, по выражению одного британского дипломата, речь шла о «великой победе над врагом, а не предательстве малого союзника». Предъявив экземпляр Мюнхенского соглашения, Чемберлен заявил, что привез «мир для нашего поколения». Через одиннадцать месяцев началась мировая война... Но пока что приветствовавшая премьера толпа возле его резиденции на Даунинг-стрит, 10 в его честь дружно пела *For He's a Jolly Good Fellow* («Он отличный парень»).

Борис Гершун писал из Парижа: «Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности начавшейся. Благословения, посылаемые Чемберлену, который на несколько дней стал героем». Даладье, вместо улюлюканья встреченный ликующими толпами, обращаясь к свое-

му статс-секретарю, пробормотал: «Идиоты!»

Свое выступление в прениях о Мюнхенском соглашении, проходивших в британском парламенте, Уинстон Черчилль начал со слов: «Мы потерпели полное и абсолютное поражение». В зале разразилась буря негодования, заставившая его сделать паузу, прежде чем продолжить речь. Черчилль был не одинок: первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр) Дафф Купер подал в отставку, заявив: «Премьер-министр считает, что к Гитлеру нужно обращаться на языке вежливого благоразумия. Я полагаю, что он лучше понимает язык бронированного кулака...» Тем не менее подавляющим большинством голосов парламент одобрил политику правительства.

Американский дипломат Джордж Кеннан прилетел в Прагу в день, когда стали известны результаты Мюнхенской конференции. Ему «навсегда запомнились толпы людей на улицах со слезами на глазах: они оплакивали потерю независимости, которой их страна наслаждалась всего двадцать лет». Он не сомневался в том, что Германия не удовольствуется Судетской областью, и информировал Вашингтон: «Немцы смогут без особых трудностей одержать верх». Накануне немецкого вторжения американский посол в Лондоне попросил пражских коллег помочь одному из его сыновей попасть в Прагу, чтобы на месте «ознакомиться с происходящим». Просьба разозлила Кеннана, поскольку молодой человек, не имея официального статуса, собрался в Прагу в са-

мый неподходящий момент. Тем не менее Кеннан выполнил просьбу коллеги и показал неожиданному гостю всё, с чем тот захотел ознакомиться, после чего «с удовольствием» с ним распрощился. Как оказалось впоследствии, время он потратил не напрасно: молодого человека звали Джон Кеннеди, и Кеннану еще довелось послужить под его началом.

Менее чем через полгода выяснилось, что мюнхенское соглашение для Гитлера – всего лишь клочок бумаги, и поколению, которое Чемберлен назвал «нашим», мира не видать. Четырнадцатого марта 1939 года, фактически по указанию из Берлина, Словакия провозгласила независимость; на следующий день германские войска оккупировали Чехию, объявленную отныне протекторатом Богемии и Моравии. Президент Чехословакии Эмиль Гаха, сменивший отправившегося в эмиграцию Эдварда Бенеша, накануне был вызван в Берлин и под угрозой военного вторжения, в том числе бомбардировок Праги, «сдал» страну. Гитлер не отказал себе в удовольствии переночевать в Градчанском замке, старинной резиденции императоров Священной Римской империи.

Произошедшее означало крах политики умиротворения. Когда британское и французское правительства заявили о своих гарантиях независимости Польши, очевидного следующего объекта нацистской агрессии, до начала мировой войны оставалось всего пять месяцев...

Прямым следствием Мюнхена стала утрата «малыми»

странами Восточной и Центральной Европы веры в союзнические гарантии Англии и Франции. Некоторые из них переориентировались на Германию. Мюнхен, продемонстрировавший Сталину, что с ним в европейской политике не считаются, усилил его подозрительность в отношении западных демократий и побудил искать другие способы обеспечения безопасности страны. В конечном счете это и привело его к решению подписать соглашение с Гитлером, именуемое обычно пактом Молотова – Риббентропа, которые были лишь исполнителями воли своих руководителей. Нет никаких сомнений, что это соглашение стало одним из последствий Мюнхена. Правда, между двумя договорами было существенное различие: если «мюнхенцы» хотели предотвратить войну и были готовы ради собственной безопасности принести в жертву своего союзника, то Сталин пошел на раздел с Гитлером Восточной Европы. Секретный протокол к пакту о ненападении был подготовлен по его инициативе.

Историю делают люди. Интересно проследить, что стало с «мюнхенцами» – теми политиками, чья неспособность предвидеть последствия своих действий привела в конечном счете к мировой войне. Невилл Чемберлен в мае 1940 года был вынужден уступить кресло премьер-министра своему оппоненту Уинстону Черчиллю. В ноябре 1940 он умер от поздно диагностированного рака. Эдуар Даладье ушел в отставку с поста премьера в марте 1940 года. После оккупации нацистами Франции был арестован правительством Ви-

ши и наряду с некоторыми другими французскими министрами и военными в 1942-м предан суду как «поджигатель войны»: ведь именно он объявил войну Германии 3 сентября 1939 года и отклонил мирное предложение Гитлера от 6 октября 1940-го. Однако процесс, организованный коллаборантским правительством по инициативе немцев, неожиданно превратился в разбирательство того, почему Франция оказалась не готова к войне. Процесс был прекращен по указанию Гитлера, а все подсудимые приговорены к пожизненному заключению декретом маршала Петена. После окончания войны Даладьё вернулся в политику, но больших высот не достиг: был членом Палаты депутатов, затем мэром Авиньона. Умер в 1970 году.

Возможно, хуже всего пришлось людям, из-за которых, по версии Гитлера, мир был поставлен на грань войны в сентябре 1938-го – судетским немцам. Да и вообще немцам, имевшим несчастье в 1945 году оказаться в Чехословакии. Лидер судетских нацистов, обергруппенфюрер СС и гауляйтер Судетской области Конрад Генлейн был захвачен американцами и 10 мая 1945 года покончил с собой, перерезав вены стеклами собственных очков. Согласно декрету президента Бенеша, судетские немцы лишались чехословацкого гражданства и подлежали депортации из страны. Всего в 1945–1946 годах из Чехословакии было депортировано более 3 миллионов человек, а их собственность была конфискована. И хотя Бенеш заявлял, что «перемещение немец-

кого населения, разумеется, должно производиться нена-
сильственно и не по-нацистски», депортация сопровождалась многочисленными убийствами, изнасилованиями и грабежами.

Не лучше обстояло дело в Праге. Восемнадцатого мая 1945 года начальник политотдела дислоцированной в городе 4-й танковой армии Н. Г. Кладовой докладывал: «Местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах». «Необычными формами» было сожжение немцев на кострах, поочередный расстрел из мелкокалиберной винтовки, подвешивание за ноги на столбах. «В районе техникума жители города, раздев по пояс 15 немок и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой, при большом скоплении народа. После этого немки были выведены за город и расстреляны... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами».

Сбылось пророчество Джорджа Кеннана, сделанное им в 1939 году: «В случае поворота исторической судьбы возмездие чехов может оказаться ужасным».

После падения коммунистического режима президент Чехословакии Вацлав Гавел принес судетским немцам извинения. Не уверен, однако, что взаимное прощение или хотя бы забвение прошлых обид в самом деле произошло.

Рассказывают, будто российский премьер Петр Столыпин, перефразируя Макиавелли, говаривал: «В политике нет морали, но есть последствия». Последствия Мюнхенского соглашения неплохо демонстрируют, что бывает, когда политики ведут себя так, будто мораль в самом деле не имеет значения.

КОМУ ПОМОГ ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА

Третьего июля 1941 года, на двенадцатый день войны, Иосиф Сталин наконец обратился к народу. В своей речи, среди прочего, он счел необходимым объяснить по поводу подписания пакта о ненападении с нацистской Германией:

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп...

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту.

Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

На этом тема была закрыта, и какое-либо ее обсуждение в интерпретации, отличной от сталинской, приравнивалось к контрреволюционной агитации. Председатель Верховного суда СССР Иван Голяков разъяснял в июне 1942 года: «В качестве базы для клеветнических измышлений используется и внешняя политика Советского Союза. Под маской выражения патриотических чувств указывается на якобы неправильное заключение договора о ненападении с Германией. В извращение политического значения этого акта Советской власти говорится, что Германия-де вытянула все ресурсы из СССР, обескровила его, а потом, воспользовавшись нашими же ресурсами, напала на Советский Союз». Поясню: в военное время широко применялась статья 58-10, часть 2, предусматривавшая смертную казнь за «контрреволюционную агитацию», к которой приравнивались критические оценки властей, сделанные даже в частных разговорах.

Сталин, разумеется, не упомянул о секретных дополнительных протоколах к пакту, и до конца 1980-х годов советским руководством категорически отрицалось само их существование.

Кто же на самом деле выиграл от 22-месячной «передышки» и насколько были верны расчеты, побудившие Сталина (ибо Молотов был лишь исполнителем его воли) подписать пакт с нацистской Германией?

Поворот от антифашистской пропаганды к «дружбе» с гитлеровской Германией был для советских людей совершенно неожиданным. Теперь на страницах «Правды» они могли прочесть поздравление Гитлера Сталину по случаю его 60-летия и пожелание доброго здоровья ему, «а также счастливого будущего народам Советского Союза». Риббентроп в отдельной поздравительной телеграмме напоминал «об исторических часах в Кремле, положивших начало решающему повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между ними». Сталин поблагодарил Гитлера за поздравления и «добрые пожелания в отношении народов Советского Союза». Риббентропу он ответил более выразительно: «Благодарю Вас, господин министр, за поздравления. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

Характер и результаты «дружбы» были очевидны многим современникам и вызывали их категорическое неприятие. Ольга Берггольц записала в дневнике: «...Когда немецкие танки на нашем бензине шли на Париж, – я всей душой протестовала против этого, ощущая гибель Парижа, как гибель какой-то большой части своей души, как наш позор – нашу моральную гибель».

Однако попробуем отрешиться от морали и обратимся к практическим последствиям пакта. Политикам, как и генералам, свойственно готовиться к прошлой войне. Санкцио-

нируя договор с Германией, Сталин как будто играл от противного: в Первую мировую Россия воевала в союзе с Англией и Францией и потерпела крах. Теперь он словно хотел оказаться в роли «третьего радующегося». Об этом говорит и логика действий, об этом говорил Георгию Димитрову сам Сталин 7 сентября 1939 года: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.)... Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии... До войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильно. Во время войны между империалистическими державами это уже неправильно. Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл».

Однако стратегия русской дореволюционной дипломатии, которой пренебрег Сталин, «дружить через одного», имела более чем серьезные основания, так же, как военный союз самодержавной России и республиканской Франции: и в Петербурге, и в Париже опасались, что не справятся с Германией поодиночке в случае войны.

Падение Парижа через десять месяцев после подписания пакта стало для него шоком. По свидетельству Хрущёва, Сталин «буквально бегал по комнате и ругался, как извоз-

чик. Он ругал французов, ругал англичан, как они могли допустить, чтобы их Гитлер разгромил». Молниеносный разгром Франции означал крах надежд Сталина на затяжную войну на Западе.

Это было самым важным последствием пакта: второй (точнее – первый) фронт войны с нацистской Германией, отсутствием которого Сталин уже в ноябре 1941 года, среди прочего, объяснял неудачи Красной армии, был ликвидирован в июне 1940-го. На европейском континенте Советский Союз остался с Германией один на один. Точнее, с Германией и ее союзниками. Причем с Германией, многократно усилившейся. К середине 1941 года Германия оккупировала ряд европейских стран общей площадью 1922 тыс. квадратных километров с населением 122 млн человек. Это позволило ей почти удвоить экономический потенциал. К примеру, в оккупированных странах (в годовом измерении) железной руды добывалось в 6,5 раза больше, чем в Германии и Австрии, медной – более чем в 2 раза, бокситов – в 12,6 раза; чугуна и стали выплавлялось существенно больше. В Германии и Австрии ежегодное производство автомобилей составляло 333 тыс. штук, в оккупированных странах – 268 тыс. Для сравнения: в СССР в 1939 году произвели (с учетом автобусов) 201 687 машин, в 1940-м – 145 390. И это лишь одна из многих позиций.

По словам одного из руководителей немецкой военной экономики Ганса Керля, «война на Западе резко изменила

военно-экономическую обстановку в Германии... Норвегия, Голландия, Бельгия и главным образом Франция накопили в своих портах за первые семь месяцев войны огромные запасы стратегического сырья: металлов, горючего, резины, сырья для текстильной промышленности и т. д., которые теперь оказались в руках немцев в качестве военных трофеев. Промышленность этих стран также была хорошо снабжена сырьем и могла выполнять крупные немецкие заказы, не нуждаясь в новом сырье. База производства железа и стали была значительно расширена тем, что угольные шахты, рудники и сталелитейные заводы Голландии, Бельгии, Франции и Польши достались нам почти невредимыми. Германии, таким образом, была предоставлена исключительная возможность развить свою экономику за счет крупнейших промышленных предприятий захваченных стран».

Вдобавок Германия во многом решила вопрос с трудовыми ресурсами: польские военнопленные были направлены для работы в сельском хозяйстве, французские и бельгийские – в промышленности.

СССР в 1939–1940 годах присоединил территории общей площадью 460 тыс. кв. километров с населением около 23 млн человек. В экономическом отношении они не шли ни в какое сравнение с теми странами, что оказались под контролем Германии.

Пришлось обходиться собственными ресурсами. Советским правительством для наращивания производства воору-

жения и боеприпасов и в целом подготовки армии к войне было сделано очень много. Опережающими темпами наращивалось производство продукции тяжелой промышленности, в особенности в восточных районах страны. В 1940 году объем военной продукции возрос более чем на треть. Военная промышленность развивалась в три раза быстрее, чем вся остальная. Расходы на оборону в 1940 году составили 32,6% бюджета, достигнув самого высокого уровня в истории советского государства. Надо, однако, понимать, что это была сталинская экономика и вложения далеко не всегда давали ожидаемый эффект. Так, от 25 до 45% военного бюджета в предвоенные годы шло на финансирование авиапрома. К лету 1941 года производственные мощности советских авиазаводов в 1,5 раза превзошли германские. Однако переход к новым моделям самолетов проходил негладко, а их сборка стахановскими темпами нередко приводила к тяжелым последствиям.

К началу войны парк советских ВВС на 82,7% состоял из морально устаревших и изношенных машин. Наладить качественную массовую сборку новых самолетов за несколько месяцев было невозможно. В результате каждый третий самолет, выбывший из строя в первый год войны, был списан из-за производственных дефектов. Всего за время войны советские ВВС потеряли 88,3 тыс. боевых самолетов; 45,2 тыс. из этого числа составили небоевые потери.

Активно развивалась советско-германская торговля. С де-

кабря 1939 года по конец мая 1941-го Германия импортировала из СССР 1 млн тонн нефтепродуктов, 1,6 млн т зерна (в основном кормового), 111 тыс. т хлопка, 36 тыс. т жмыха, 10 тыс. т льна, 1,8 тыс. т никеля, 185 тыс. т марганцевой руды, 23 тыс. т хромовой руды, 214 тыс. т фосфатов, а также некоторые другие товары. В импорте Германии СССР занимал пятое место после Италии, Дании, Румынии и Голландии. Многие импортированные из СССР продукты прямо или косвенно могли быть использованы в военных целях. Прежде всего это касается нефтепродуктов, в которых германская военная экономика испытывала острую потребность. В самой Германии, а также в союзных и оккупированных ею странах добывалось в год около 10 млн т нефти. Для сравнения: за 1940 год Германия получила из Советского Союза 657 тыс. т нефтепродуктов.

Однако это не была улица с односторонним движением. СССР получил образцы новейших германских самолетов (некоторых по несколько штук, всего 35 единиц), в том числе «Дорнье-215», «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», «Юнкерс-88», «Хейнкель-100», «Бюккер-131», «Бюккер-133», «Фокке-Вульф-58». Советский Союз закупал различные изделия для авиационной промышленности: мониторы для самолетов, стенды для испытания моторов, винты для самолетов, поршневые кольца, таксометры, высотомеры, самописцы скорости, систему кислородного обеспечения на больших высотах, сдвоен-

ные аэрофотокамеры, приборы для определения нагрузок на управление самолетом, радиопеленгаторы, самолетные радиостанции с переговорным устройством, приборы для слепой посадки, самолетные аккумуляторы, комплекты фугасных, осколочно-фугасных и осколочных бомб и другие. Это было особенно ценно в связи с «моральным эмбарго», наложенным американской администрацией на торговлю с СССР в ответ на бомбардировки советской авиацией жилых районов Хельсинки во время советско-финской войны. Соответственно, американские авиафирмы прекратили поставки в СССР передовой техники и технологий. «Моральное эмбарго» было снято в январе 1941 года, когда Белый дом получил сведения, что в Германии обсуждаются планы нападения на СССР.

Советские авиастроители скопировали термические антиобледенители для советских бомбардировщиков ДБ-3 с «Юнкерсов». Капоты истребителей МиГ-3 – с «Мессершмиттов». По немецким образцам были спроектированы и некоторые другие элементы конструкций советских самолетов; из Германии были поставлены многие другие технологии военного назначения.

СССР закупал значительное количество оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности, никелевых, свинцовых, медеплавильных, химических, цементных, сталепроволочных заводов. Из Германии поставлялось оборудование для рудников, в том числе буровые станки и 87 экс-

каваторов. В 1940–1941 годах поступило 6430 металлорежущих станков, в то время как общее число импортированных Советским Союзом из всех стран станков за 1939 год составило 3458.

Всего с января 1940 года по 22 июня 1941-го СССР поставил Германии товаров на сумму 597,9 млн германских марок; из Германии были осуществлены обратные поставки на 437,1 млн марок; как видим, положительное сальдо составило 160,8 млн.

Новый виток в форсировании тяжелой индустрии и рост военных расходов тяжким бременем легли на плечи советских людей. Денежная эмиссия, сокращение производства товаров народного потребления быстро привели к инфляции и дефициту, точнее, их усугубили. Практически одновременно было развернуто очередное наступление на крестьянство, активная часть которого брала в аренду колхозные земли, а выращенную продукцию сбывала на рынке, тем самым в значительной степени решая проблему снабжения населения продовольствием. В мае 1939 года Политбюро решило остановить «разбазаривание» колхозных земель. Арендованные земли в течение лета и осени были изъяты и возвращены в «общественное пользование», что вовсе не означало, что кто-то будет их обрабатывать. Советско-финская война, поставки топлива и продовольствия в Германию внесли существенную лепту в развитие кризиса снабжения 1939–1941 годов. Пик кризиса пришелся на зиму 1939–1940 го-

дов. Чтобы купить хлеб, люди занимали очереди с ночи.

Тов. Молотов, – писали главе советского правительства из Орджоникидзеграда (Бежицы) Орловской области в январе 1940 года, – Вы в своем докладе говорили, что перебоя с продуктами не будет, но оказалось наоборот. После перехода польской границы в нашем городе не появлялось ряда товаров: вермишель, сахар, нет вовсе сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет, кроме рынка. Город вот уже четвертый месяц находится без топлива и без света, по домам применяют лучину, т. е. первобытное освещение. Рабочие живут в нетопленых домах... Дальше самый важный продукт, без которого не может жить рабочий, это хлеб. Хлеба черного нет. У рабочих настроение повстанческое.

Иосиф Виссарионович, – обращалась к Сталину женщина из Нижнего Тагила в феврале 1940 года, – что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного хлеба, белого достать очень трудно... Я настолько уже истощала, что не знаю, что будет со мной дальше. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой... Не хватает на существование, на жизнь. Толкает уже на плохое. Тяжело смотреть на голодного ребенка.

Большая война еще не началась, а население уже несло потери, превышающие потери некоторых великих держав во время Второй мировой войны. Заметно возросла

смертность: в 1938 году умерли 3,483 млн человек, в 1939-м – 3,829 млн, а в 1940-м – 4,205 млн (в границах СССР до сентября 1939 года). Нетрудно подсчитать, что в 1940 году умерло на 700 тыс. человек больше, чем в 1938-м. А ведь 1938 год был далеко не самым благополучным: это второй год Большого террора, в течение которого были расстреляны более 300 тыс. человек, а избыточная смертность заключенных составила около 100 тыс. человек. Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин в 1940 году сократилась до 38,6 года, у женщин – до 43,9 года. Основными жертвами полуголодного существования стали дети: около 55% всех умерших в 1939–1940 годах составили дети до 5-летнего возраста. Недосчиталась армия и потенциальных солдат: по моим подсчетам, с сентября 1939-го по июнь 1941 года умерли около 700 тыс. мужчин и подростков возрастов, которые подлежали мобилизации во время войны.

Несомненным выигрышем был как будто территориальный: границы СССР существенно отодвинулись на запад. Вопрос в том, насколько защитимы были новые границы, насколько принципиален был этот территориальный выигрыш в условиях маневренной войны и современных средств передвижения? Если в августе 1939 года у Германии и СССР не было ни одного сантиметра общей границы, то теперь Советский Союз граничил с Третьим рейхом и его союзниками на колоссальном расстоянии от Баренцева до Черного моря. Ответ был получен в первые недели войны: в пригранич-

ных сражениях с 22 июня по 9 июля 1941 года войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли убитыми и ранеными около 600 тыс. человек, а также свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и минометов. Из 170 советских дивизий, принимавших участие в приграничных сражениях, 28 были полностью уничтожены. К 10 июля противник потерял 79 058 человек убитыми и ранеными, 1060 орудий и минометов, 826 самолетов и 350 танков. Наиболее тяжелые потери понес Западный фронт: 417 790 человек из 627 300, причем свыше половины от общего числа (341 073) составили безвозвратные потери. За неполные три недели были потеряны Литва, Латвия, почти вся Белоруссия, значительная часть Молдавии, Украины и Эстонии. Вильнюс был взят 24 июня, Минск – 28-го, Львов – 30-го, Рига – 1 июля 1941 года.

Немалое значение имело отношение к происходящему населения присоединенных к СССР территорий. Значительная часть жителей «освобожденных» или «добровольно присоединившихся» территорий рвения в защите нового отечества не проявила. Они массово дезертировали из Красной армии, а то и стреляли в спину ее бойцам. В результате значительная часть жителей присоединенных территорий, призванных в РККА, была переведена в трудовые батальоны.

Через два месяца после начала войны Ольга Берггольц констатирует: «Мы были к ней абсолютно не готовы, – правительство обманывало нас относительно нашей „оборонной

мощи“. За восемь лет Гитлер сумел подготовиться к войне лучше, чем мы за 24 года». Через три месяца, услышав о сдаче Киева, она пишет: «Боже мой, Боже мой! Я не знаю – чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству. Этак обоссаться!»

Любопытно, что Сталин использовал для оценки собственной деятельности тот же неблагозвучный глагол, что и поэт, только гораздо раньше. После падения Минска он заявил соратникам: «Ленин оставил нам великое наследие, мы – его наследники – все это просрали». Вождь поторопился. Как поторопился начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал Франц Гальдер, записавший в дневнике на 12-й день войны, 3 июля 1941 года: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Россия справилась с Гитлером и пережила Сталина.

История – не компьютерная игра, ее невозможно запустить заново. Мы можем предполагать, что было бы, если бы... но оценивать лишь то, что произошло в действительности. На мой взгляд, заключение пакта с гитлеровской Германией, используя высказывание Антуана Буле де ла Мёрта по другому поводу, было «хуже, чем преступление – это была ошибка». Ошибка, за которую пришлось заплатить своими жизнями миллионам людей.

ВОЙНА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ

Внук седьмого герцога Мальборо Уинстон Спенсер Черчилль начал свою личную войну против нацистской Германии уже в 1933 году. Выступая в апреле в палате общин, Черчилль в ответ на требования немцев предоставить им «равенство в вооружениях» говорил:

Немцы требуют равенства в вооружении и равенства в организации армий и флотов... Это чрезвычайно опасные требования. Ничто в жизни не вечно. Но если Германия достигнет полного равенства в военном положении со своими соседями в то время, когда ее собственные претензии еще не удовлетворены и когда она находится в том настроении, которое мы могли с прискорбием наблюдать, мы, несомненно, окажемся недалеко от возобновления всеобщей европейской войны.

С тех пор едва ли не в каждой речи в парламенте Черчилль указывал на германскую опасность и необходимость подготовки Британии к войне. Как много лет спустя писала газета «Дейли телеграф», последовало «семь долгих лет сопротивления слепых и расчетливых его предупреждениям о растущей гитлеровской опасности». Семь лет Черчилль был вынужден довольствоваться словами без возможности действовать: руководство его партии держало нарушителя

дисциплины и возмутителя спокойствия подальше от реальной власти. Лишь с началом войны, 3 сентября 1939 года, Черчилль был назначен Первым лордом Адмиралтейства; в мае следующего года, в самый тяжелый для его страны час, он стал премьер-министром и оставался во главе правительства вплоть до победы.

Деятельность Черчилля в годы Второй мировой войны сделала его национальным героем – возможно, самым выдающимся за всю историю Британии. Вот что писал после смерти Черчилля английский историк А. Л. Раус:

Из всех деятелей прошлого, перед которыми наша нация в огромном долгу за руководство и сохранение нашей независимости в опасные времена, – таких как Елизавета I, Дрейк, Кромвель, Мальборо, Старший и Младший Питты, Нельсон, – мы всего более в долгу перед Черчиллем, потому что мы никогда не находились в таком опасном положении, как в 1940 году.

Нет смысла в краткой главе даже пытаться сколь-нибудь подробно проанализировать роль Черчилля во Второй мировой войне и истории XX века. Задача, которую ставит перед собой автор, – познакомить читателей с основными моментами биографии Черчилля и некоторыми его чертами как политика и человека – как они представлялись его современникам. Возможно, это поможет понять, почему именно Черчилль оказался «человеком на своем месте» в самый тяже-

лый для Британии – и не только Британии! – час.

Уинстон Черчилль родился 30 ноября 1874 года. Его отцом был Рандолф Черчилль, сын седьмого герцога Мальборо, впоследствии ставший заметным деятелем консервативной партии, депутатом парламента и министром; мать – леди Дженни Черчилль, урожденная Джером, дочь американского миллионера. Уинстон закончил Хэрроу – одну из самых престижных частных школ Великобритании. Будущий премьер и лауреат Нобелевской премии не выделялся в школе особыми достижениями и проявил некоторые способности лишь в написании сочинений.

По окончании школы он избрал карьеру военного, но попытка поступить в пехотное училище, имевшее одно несомненное преимущество перед кавалерийским – оно требовало меньше расходов, – не удалась. Черчилль не выдержал вступительных испытаний. Лишь с третьего захода ему удалось поступить в кавалерийскую школу военного училища Сэндхерст. Окончив его в 20-летнем возрасте, Черчилль был зачислен в 4-й гусарский полк. А дальше начались путешествия и приключения.

Тридцать лет спустя после их начала Марк Алданов писал в очерке, посвященном Черчиллю:

Он участвовал в пяти кампаниях, в Азии, в Африке, в Америке, сражался на бронированном поезде; спасаясь из плена, пережил истинно сказочные приключения; это довольно необычно для британского

премьера, – Черчилль, вероятно, скоро будет премьером. Министром он стал в тридцать два года, а сорока лет от роду распоряжался британским флотом в пору величайшей войны в истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.